

Чебышев Н. «Три сестры» у Питоевых. Театр «Де-3-Ар» //
Возрождение (Париж). 1929. 31 января. № 1339. С. 4.

„Три сестры“ у Питовых

ТЕАТРЪ «ДЕ-3-АРЪ»

На парижских сценах, насколько мы знаем, во французском исполнении, из числа чеховских драматических произведений до настоящего времени шли: в 1908 году — «Предложение» (театр «Де-3-Ар») и в 1921 году «Дядя Ваня» («Все Коломбье»). Говорят, будто бы еще давали «Чайку».

Можно полагать, что попытки прибить французов к чеховскому театру пока успеха не имели.

•••

Чехов, как драматург — безразличен. И в самой России его одолевало всего одна сцена — сцена Московского художественного театра. На других сценах, в том числе и в Александрии — том театре, пьесы Чехова больше или меньше проваливались.

Почему он стал исключительным достоянием Московского художественного театра? Тут повлияли не только высокое качество Станиславского и Немировича-Данченко, как постановщиков. Были еще и другие благоприятные Чехову-драматургу обстоятельства: близость Чехова к Московскому художественному театру и близость московской общественной среды к Чехову.

Каждая постановка в Московском художественном театре дѣлалась медленно, кропотливо. Постановки чеховских пьес шли при постоянных совѣщаніях и совѣщеніях съ автором, даже тогда, когда ему приходилось по состоянию здоровья жить в Крыму. Возникшія сомнѣнія разбирались въ таких случаях переноской. Въ числѣ исполнителей была жена Чехова, О. Л. Книшпор.

Въ Москвѣ публика лучше понимала Чехова. Они были «придворными писателями» московской «умеренной» интелли-

генции. На Петербургъ плава отпечаток на провинцію, а Москва, Москва была столицей русской провинции, вѣчно глупо враждовавшей противъ болѣе утонченнаго и въ то же время болѣе государственно жескаго Петербурга. «Три сестры» не напрасно тянутся именно «въ Москву, а не въ Петербургъ».

Поэтому не было города въ Россіи съ лучшей аудиторіей для чеховскихъ пьесъ, чѣмъ публика сперва Каретнаго ряда, а потомъ Камергерскаго переулка. Въ партерѣ сидѣли Прозоровы, Астровы, Вершинины... Они понимали отбѣнки, подумавъ, авторскій бросокъ, читали между строчками, прощали ошибку, драматическія недозволенія. Слушателямъ дѣла не было до того, что пьеса со своими сложными психологическими кружевами, съ повтореніями, съ беззаботностью пренебрегающаго требованіями сценнаго повѣствователя, — не помѣщалась на узкихъ сценическихъ подмосткахъ... Для москвичей со сцены плыла нежный примесъ, толковавшій ихъ болѣе лужу, смутныя чаянія и вѣрилъ прѣдчувствіямъ.

Вообще, Московскому художественному театру предъявлялись особые требованія. Неспешность пьесъ прощалась. Вѣдь ставились тамъ вещи, совершенно не предназначенныя для сцены, напримеръ, отрывки поэмъ Ибсена «Перъ Гинтъ» и «Брантъ». Художественники въ то время такъ называемыхъ «театральныхъ» пьесъ и не любили.

«Три сестры», какъ всѣ большія пьесы Чехова, отличается свойственными ему, какъ драматургу, недостатками.

Отсутствіе дѣйствія, драматическаго движенія, прерывиста разговорамъ... Характеристика дѣйствующихъ лицъ почти исключительно дѣлается въ ихъ собственныхъ признаніяхъ. Они разказываютъ о себѣ, какъ бы декламируя послужные

списки. Маловѣроятное на протяженіи четырехъ дѣйствій единство настроеній въ «Трехъ сестрахъ» достигается столь же маловѣроятнымъ однородіемъ мыслей безконечно разсуждающихъ героевъ. Всѣ они философствуютъ на одинъ ладъ тѣми же словами и точно одержимы навязчивой идеей, одной и той же, общей всѣмъ. Эта однородность мыслей, кстати сказать, вовсе не была типичной для русской жизни.

Однородіе усиливается до невыносимости причитаніями «сестры» о желаніи переѣхать въ Москву. Долженъ сознаться, что и тогда, на премьерѣ въ Москвѣ, и теперь, наряду съ другими вопросами, помѣстимыми въ разговоры, наряду съ запросами о трутѣ, о грядущемъ человѣческомъ счастьи, воздыханія по Москвѣ представляются какимъ-то мелкимъ обывательскимъ меланхолизмомъ, не говоря уже о легкой его осуществимости въ условіяхъ жизни Прозоровыхъ. На французской же сценѣ, въ воспріятіи французовъ, причитанія припали отбѣнокъ комизма. И въ Россіи трудно было уловить въ безконечномъ драматическомъ изложеніи трехъ женскихъ отрываній отъ Москвы, а въ Парижѣ и позавчера...

Чеховъ въ одномъ письмѣ по поводу театральнаго дѣла высказалъ на драматургію такой взглядъ:

«Пьесы надо писать скверно и нагло». Этого шуточнаго реченья мѣстѣй. Пьеса — это пьеса, а повѣсть — повѣсть. Какъ пьеса, повѣсть можетъ выжить не только, и наоборотъ.

Заслуга Питова вѣдѣла, что онъ дерзнулъ показать парижанамъ пьесу Чехова. Интересный спектакль. Театръ много пострадалъ, и ему удалось удержать вниманіе въ напряженіи нѣсколько часовъ кряду. Русскіе были растроганы. Ихъ было въ театрѣ нѣсколько чужеземцевъ. Но парижане тоже были растроганы.

Если бы тогда, въ Москвѣ, киня судью, дѣла передъ нами отертой, то можно было бы, какъ нѣсколько веруемъ бы

тырмы с нацизмомъ и социальныя мечтанія: батареинаго командира Вершинина. Но тогда пришли, и мы убѣрены, что онъ, Вершининъ, исполнилъ свой долгъ и въ Великую войну, и на гражданскомъ фронтѣ...

Теперь — нѣсколько замѣчаній о постановкѣ Питова.

Мы кажемъ, что недостаточно все использовано для усиленія сценическаго впечатлѣнія.

Пьеса вѣсть въ сущности: кусочки декораций и много темно-синихъ партыеръ. Для такой развѣсной, наоблазуемой житейскими подробностями пьесы, какъ «Три сестры», — партыеры, разбавленные мѣлкими «дѣйствительностями», — рамка плохая. Лучшее было бы поступиться сценой въ третьемъ дѣйствіи и провести первыя три дѣйствія при одной и той же декорации перваго акта (гостиная, въ колоннахъ — столовая), а перелѣ 4-мъ дѣйствіемъ, при болѣе продолжительномъ антрактѣ, дать полностью декорацию, обозначенную у Чехова. Старый садъ при домѣ Прозоровыхъ: аллея, въ концѣ которой — рѣка; терраса дома со столомъ; на столѣ бутылки, стаканы; видно, что только что была шампанское, промѣнялось съ выстѣпавшей бриндой. Чеховъ рѣмарками не злоупотребляетъ, а тутъ у него каждая мелочь выписана. Декорации договариваетъ слова. Сцена, пристрастие имѣть нѣсколько живущихъ своей жизнью плановъ... На ступеняхъ террасы то сидятъ Маши, то Ирины... Въ глубинѣ проходятъ, направленные къ мѣсту дуэли, Соленьй со своими секундантами. Съ рѣки напоминаетъ Тузенбаху условнымъ яркимъ время отпрѣпляется его секундантъ, изъ окна дома доносится «Мо-литва дѣвы» и т. д. Наконецъ, съ той стороны, куда удалился Соленьй, а потомъ Тузенбахъ — слышны выстрѣлы, пресѣкающіе его жизнь. Каждый уголъ на сценѣ по своему знаменателенъ.

А у Питова одѣвъ нарядъ, и въ глубинѣ омынувшись въ шеренгу елки съ легкомысленными веселыми завѣтками. И незнакомо съ текстомъ елки, въ состояніи догадаться, что это и садъ, и терраса, и дорога, и проч. И почему здѣсь всѣ встрѣчаются и мимо проходятъ? Драматическое послѣднее дѣйствіе провалится.

«Три сестры» полна музыкой. Ей вообще было много въ русской жизни. Въ Московскомъ художественномъ театрѣ пьеса такъ и шла. При постановкѣ музы-кальный эффектъ не только не ослаблялся, его подчеркивали. Маши напѣваютъ, Тузенбахъ играетъ на роялѣ, Андрей на скрипкѣ, Фелотикъ и Года на гитарѣ. У художественниковъ, если мы не помѣяемъ, что мы, они прекрасно дѣлаютъ дуэтомъ «Ночи безумныхъ», чего не значитъ у Чехова. Въ этой пьесѣ, какъ мы кажемъ, нельзя достаточно должнаго вниманія уделить музыкальному сопровоженію пьесы. Какъ нужна въ тѣхъ нѣзримыхъ нѣзримыхъ 4 дѣйствіяхъ отбѣнная драма Чеховымъ арфа и скрипка, какъ необходимо военный походный маршъ, исполняемый военнымъ оркестромъ! На парижской сценѣ шобетаніе отдаленной фанфары... А вѣдь это заключительные аккорды драмы, и Ольга говоритъ:

— А музыка играетъ такъ весело, бедно, и хочется жить!

Слѣдовало нѣсколько подвѣть стиль дома и «сестры» Прозоровыхъ. Онъ очень порошного общества, «господъ», отъ которыхъ сестры знаютъ три иностранныхъ языка, а Иринѣ четвертый — итальянскій. Маши замѣчательная пѣвчиха, братъ готовился къ профессурѣ. Семья совсѣмъ незаурядная по своему уровню.

У Питова же онъ слишкомъ «самурышъ»! Толи въ домѣ Прозоровыхъ свободный и веселый, но приличный. Такъ рѣзается, но по-господски... Напрямую Вершининъ, полковникъ артиллеріи, слезившей своимъ чистенькимъ и воспитаннымъ офицерствомъ, бесѣдуетъ съ замачи въ гостиной, сидя верхомъ на стулѣ.

Нѣ сестры сѣла для не интереснѣйшая роль. Маши, съ заманками лѣтоси, римскими аниа, пестроты, вырженіями «чертъ подери» и т. д. Очевидно, г-жѣ Маріи Кальфѣ никто не объяснилъ роли. И характеръ выдѣлъ неопредѣленный.

Нѣкоторые моменты достаточно не ясны. Тузенбахъ, снѣвъ форму, это отбѣнено и у Чехова, нѣзримыхъ нѣзримыхъ. Актеру, играющему эту роль, было бы неплохо подчеркнуть даже неопытность офицера въ штатскомъ костюмѣ. Я думаю, дѣйствіе зрительныхъ и не повели, почему Тузенбахъ шатался. Все, что относится къ дѣлу, должно быть четко подано... Дуэли, терраса...

Андрей Прозоровъ, учитель, заставилъ въ семейномъ болѣе мѣнять вѣдѣность.

Конечъ 1 дѣйствія: подзадориваніе объясненіемъ влюбленнымъ Андрей и тѣни и снѣманіе ихъ въ моменты пошлости... отсѣбѣна театра: у Чехова нѣтъ...

Вотъ, по чехову, бросающійся пошлости постановки. Въ остальномъ то же снѣманіе съ залачей. Видно, что въ приложеніи русскія руки.

Хорошъ Иванъ Романовичъ (г. Брантъ), «военный врачъ», развѣдывающій «майоромъ», что напрасно снѣманіе съ точки французовъ. Соленьй (г. Фоссѣ) долженъ быть «странниче». А его не отличили отъ Фелотика и Года. Снѣманіе послѣднихъ (г. г. Даганъ и тѣ) правдивы. Недуренъ Кузнецовъ (г. Года). Г-жа Паулетта Паксъ обаяла въ роль Наташи значительное мимическое дѣлованіе. Положеніе г-жи Годавой оказалось очень невыгоднымъ на русской сценѣ для дѣлѣ роль Олѣи крайне неблагоприятна.

Ферантъ, Анфиса (г. г. Зарина, Аленс Рейхент), именитый залачей своей выдержанной бытовой правдой дѣлаютъ честь театру, воссоздающему «сую» жизнь безъ обычныхъ на нѣзримыхъ сценахъ анекдотовъ. Г-жа Жанна Питова проходитъ поэтическимъ драматическимъ дѣланіемъ начала столѣтія.